

идею, частным примером которой оно является. И подобная двойственность свойственна не только «Вечернему размышлению...», ее можно увидеть и в других одах Ломоносова (и некоторых других современных ему авторов): «Ломоносов был связан одической условностью. Его оды — искусственные конструкции, использующие „готовые“ традиционные формы и формулы. Образный строй порождает не непосредственное видение мира или импульсивное вдохновение, а строго рассчитанное „изобретение“ метафор и риторическое возбуждение страстей. Особенность и заслуга Ломоносова в том, что он умел вкладывать в свои одические построения не только риторический, но и подлинный пафос, живое переживание действительности и свое отношение к ней».¹⁶ Но в связи с этим возникают два вопроса, недостаточно проясненные и требующие ответа. Во-первых, каким конкретно образом рождается сложный художественный смысл оды? И во-вторых, свидетельствует ли появление этого противоречивого, «логически аморфного» смысла о преодолении дедуктивно-рационалистической риторической словесности, о прорыве в иные области литературного творчества, проницательно, хотя и стихийно, предугадывающие то, что восторжествует позднее; или же двойственность семантической структуры оды вполне уместается в рамках культуры «готового слова»? Что перед нами — выход за пределы риторики к «подлинному пафосу» (А. А. Морозов), или же смысловой пафос оды остается все же в традиционных риторических границах? Для разрешения — хотя бы частичного и приблизительного — этих вопросов «Вечернее размышление...» также предоставляет богатый материал.

3

Размышляя над тем, что же трансформирует логическую основу оды в ее многозначный художественный смысл, можно указать, пусть в самом предварительном порядке, на следующие стратегии, связанные с разными сторонами поэтической коммуникации и в этом отношении разнотипные, однако сближающиеся между собой своим сопротивлением чисто логическому, однозначному, направлению смыслопорождения. Первые две из них в конечном счете связаны с поэтической фактурой оды.

Поэтическая форма «Вечернего размышления...» даже на фоне ровной и великолепной поэзии Ломоносова выделяется своими безупречностью и совершенством.¹⁷ Это можно обнаружить на всех

¹⁶ Морозов А. А. Михаил Васильевич Ломоносов. С. 29—30.

¹⁷ О системности эстетической организации как важнейшей, конститутивной, черте стиля Ломоносова см.: Бухаркин П. Е. Поэтический стиль М. В. Ломоносова как факт истории литературного языка // Бухаркин П. Е. Риторика и смысл. СПб., 2001. С. 25—41.